БЛАГОГОВѢЙНЫЙ ЗРИТЕЛЬ ПРИРОДЫ.

Часть III.

ВЕЧЕРНІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ.

ПОКАЗАНІЕ

Въ III Части.

Стран.

I. Вечерняя прогулка. - 135
II. Захожденіе солнца. - 142
III. Сумерки и польза ихъ. 145
IV. Глубокое безмолвіе въ Природѣ. - - 150
V. Мракъ. - - 154
VI. Сонъ. - - 160
VII. Мечтанія. - - 164
VIII. Духи. - - 172
IX. Нощная птица. - 178
X. Соловей. - - 181
XI. Свѣтящійся червь. - 183
XII. Комета. - - 184
XIII. Восхожденіе луны. - 188
XIV. Заключеніе. - - 197

ПОКАЗАНІЕ
ВЪ IV Части.

Стран.

I. Нощная прогулка. - 203
II. Нелѣпость науки предсказывать будущее по звѣздамъ. - - 208
III. Открытіе нынѣшней Астрономіи. - - 210
IV. Десница, управляющая звѣздами, хранитъ Христіанина. - - 219
V. Постепенное явленіе звѣздъ; Емблема истиннаго обращенія. - - 223
VI. Польза звѣздъ. - 226
VII. Притяжаніе и отраженіе. 232
VIII. Цѣпь существъ. - 239
IX. Свѣтила непремѣняемымъ теченіемъ своимъ упрекаютъ человѣка въ неблагодарности и непостоянствѣ его. - - 242
X. Возношеніе молитвы. - 246
XI. Зима. - - 258
XII. Заключеніе. - 485

ВЕЧЕРНІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ.

I.

Вечерняя прогулка.

Nigth is fair virtue's immemorial friend:
The conſcious *moon* through ev'ry diſtant age
Has held alamp to *Wisdom.*
(Night *Thoughts* N V.)

Нощь всегда была подругою добродѣтели; луна есть лампада, возженная Творцемъ для освѣщенія упражненій мудраго.
(XII нощь *Йонга.*)

Уже дневный жаръ исчезъ; душа моя, освободившись отъ безпокойныхъ суетъ, предалася кроткимъ размышленіямъ. Пріятной и про-

хладной вечерЪ вызвалЪ меня прогуливаться. Я вышедЪ изЪ сжатыхЪ стѣнЪ и оставивЪ городЪ, спѣшу вЪ полѣ оживиться чистымЪ воздухомЪ. Нечувствительнымъ образомЪ я зашелЪ вЪ самую пріятную пустыню.

Липовыя и вязовыя деревья, соединяя сучья свои, составляютЪ надЪ головою моей тѣнистый и прохладный сводЪ. ПодЪ ногами моими дерновый, мшистый и цвѣтами испещренный коверЪ, коверЪ Природою посланный, гораздо превосходнѣе бархата. ЖасминЪ и козій листЪ, нѣжно между собою сплетенные, возвышаются, віяся около деревЪ выше и выше; сквозь листьевЪ ихЪ вижу я лазуревую небесЪ красоту; цвѣты ихЪ изливаютЪ окрестЪ себя балзамическое благовніе. СЪ другой стороны вѣтви обматерѣлаго дуба, составляя

многолиственный сводѣ, представляютѣ мнѣ вѣ отдаленности прекрасную перспективу. Взорѣ мой, послѣ щасшливаго обозрѣнія улыбающихся предметовѣ, стремится наконецѣ успокоиться вѣ безмолвной пещерѣ. Радостныя и признательныя кѣ дневнымѣ удовольствіямѣ птицы, возсылавшія мелодическимѣ пѣніемѣ концертовѣ своихѣ Творцу возхваленія дань, пріуготовились уже кѣ спокойному сну, между тѣмѣ какѣ вѣ отдаленности на семѣ полѣ вѣ дремучемѣ лѣсѣ, отдающіеся отголоски неусыпнаго живоронка и безсонной малиновки доходятѣ кѣ слуху моему сѣ тихою пріятностію.

Погруженный вѣ любезную задумчивость, напослѣдокѣ я вообража о послѣдней побѣдѣ нашей, обѣ отечествѣ, освобожденномѣ отѣ наглостей внутренней

измѣны и чуждыхъ нашествій. Сія побѣда, прославившая вѣкъ нашъ, будетъ любезна потомству нашему, коего благоденствіе ею утвердилось. Я, восхищаяся мудрымъ правленіемъ нашимъ, благословляю Провидѣніе. Буря, ужасная буря гремѣла надъ главами нашими, и стремилась съ трескомъ разорваться надъ нами. Всесильный перстъ, отвративъ ее отъ насъ, развѣялъ, гдѣ, неизвѣстно; что я говорю, неизвѣсто? Онъ, обратилъ ее на виновныхъ, низвергъ враговъ и злодѣевъ нашихъ; низвергъ и со всѣми мрачными ихъ крамолами подавилъ тяжестію собственнаго ихъ орудія.

Сіе щастливое произшествіе придало новую цѣну всему, чѣмъ я ни обладаю; новую прелесть всему, что я ни созерцаю; новую жизнь всѣмъ моимъ чувствамъ.

Ему я одолженЪ частнымЪ своимЪ спокойствіемЪ и невинными удовольствіями умозрительнаго уединенія.

Естьлибъ мятежЪ усилился вЪ гнусныхЪ своихЪ намѣреніяхЪ; то вмѣсто безопасной отрады вЪ сихЪ цвѣтущихЪ лугахЪ, я бы нашелЪ одинЪ ужасЪ, бѣжалЪ бы его, или, можетЪ быть, бывши пронзенЪ кинжаломЪ убійцы, низвется во гробЪ. О щастіе! о восторгЪ! я еще вижу васЪ, дышущія благовоніемЪ тѣни, дерновыя сафы, на которыхЪ предавался любезному размышленію и успокоенію. Разительный крикЪ бунтующаго побѣдителя не возмутитЪ милой тишины моей. Еще я вижу васЪ древа, насажденныя моею рукою, — плоды заботЪ и забава праздныхЪ часовЪ моихЪ. ВЪ опасности не созерцалЪ бы я болѣе нѣжныхЪ цвѣтовЪ, обраща-

ющихся къ лучамъ солнечнымъ; искусная рука моя не пріучала бы вѣтвистую липу рость въ видѣ шпалеръ; въ богатомъ огородѣ моемъ не обрѣталъ бы я болѣе чистѣйшихъ источниковъ здравія.

Вмѣсто сей пріятной музыки, раздающейся въ лѣсахъ, я былъ бы пораженъ ужасными звуками воинской трубы и сильными громовыми ударами Беллоны. Вмѣсто сей прелестной страны, увеселяющей взоры мои, я бы увидѣлъ немилосердое опустошеніе полей нашихъ, домы ближнихъ моихъ низпровергнутыми, разграбленными, села наши потребленными отъ огня, необитаемыми. Тогда грады наши были бы окружены грознымъ оружіемъ непріятелей; кровь лилась бы отвсюду ручьями; братъ пронзалъ бы кинжаломъ брата своего, и отецъ издыхалъ бы подъ ударами своего

сына. Вмѣсто мира, подносящаго намъ драгоцѣнную оливную вѣтвь, мы бы увидѣли гоненіе мечемъ вооруженное; вмѣсто правосудія въ равновѣсіи соблюдающаго стяжаніе наше, насъ постигло бы рабство, и мы отягощенные желѣзными цѣпями, ни чѣмъ не могли болѣе довольствоваться, развѣ томнымъ звукомъ, отъ безстрашнаго потрясенія ихъ происходящимъ.

Свобода — любезнѣйшее имя, *и собственность* — превосходнѣйшее сокровище, къ имуществамъ нашимъ присоединяютъ неизъяснимую пріятность. Солнце при закатѣ своемъ украшающее облака запада, оттѣниваетъ ихъ пурпуромъ и позлащаетъ яркими лучами. Такимъ образомъ *собственность*, дая жизнь ощущенію нашего блаженства, умножаетъ тысячію удовольствій. Скоро, очень скоро свѣтлость дня

померкнетъ, новыя испаренія подъимутся на воздухъ; новая послѣдуетъ перемѣна! Красота чѣмъ меньше разительна, тѣмъ большее бываетъ очарованіе. Уже златые лучи солнца исчезли; пріятные оттѣнки лазуреваго неба сокрылись подъ широкимъ и мрачнымъ крепомъ. Вездѣ воцарилась глубокая меланхолія. Такъ то преходятъ всѣ естественныя красоты и ихъ плѣнительное удовольствіе!

II.

Захожденіе солнца.

Солнце, оканчивая теченіе, уже достигаетъ цѣли своей. Какъ скоро оно низпускается. Колеса, влекущія колесницу его, по видимому вращаются на самомъ краю тверди. При захожденіи, кругъ его

увѣличиваясь, представляетъ въ глазахъ нашихъ большую обширность. Съ востока находящія тѣни болѣе и болѣе умножаются. Вскорѣ густой мракъ сокроетъ отъ насъ всѣ небесныя тѣла и прелести. Вотъ картина жизненныхъ удовольствій! мало ихъ уважаютъ когда ими пользуются; но какъ скоро они прейдутъ и окончатся, тогда-то начинаютъ чувствовать цѣну ихъ; тогда-то мы воздыхаемъ объ нихъ съ великимъ прискорбіемъ; когда они насъ оставятъ, и мы не можемъ уже возвратить ихъ.

Теперь половина свѣтозарнаго шара сокрылась въ отдаленной мрачности непримѣтно; весь онъ, погрузившись въ моряхъ запада, совсѣмъ оставитъ наше полукружіе; — едва, едва уже блѣднымъ свѣтомъ его оттѣняются высокихъ

горъ вершины. Море, горизонтально ударяемое лучами его, представляетъ дрожащее стекло. Лучи огненные, соединившись съ отраженіемъ капель росы, представляютъ множество пріятныхъ и величественныхъ цвѣтовъ. Чувствительной человѣкъ, на песчаномъ брегу размышляющій о величіи дѣлъ Божіихъ, изумляется, видя сіи неизъяснимыя красоты Природы; онъ съ радостнымъ удивленіемъ примѣчаетъ, какъ спираются разъяренныя волны, и — иногда представляютъ зрѣнію пѣнистую бѣлизну, а иногда горящій огнь и пурпуръ. Здѣсь море представляется въ тонкой синетѣ, тамъ мещетъ отпрыски зеленаго цвѣта. Повсюду блещутъ такія краски, какихъ никогда не изображали человѣческія руки, и никогда не изобразитъ никакая кисть художника. О когда бы

столь же плѣнительно и столь же прекрасно было захожденіе нашей жизни!

III.

Сумерки и польза ихъ.

Между тѣмъ какъ воображеніе мое разсѣвается на брегу моря; лучезарное свѣтило дня, закатившись за горизонтъ, совсѣмъ уже сокрылось. Мракъ покрылъ землю, или подражая живописцу природы, лучше сказать, земля облачилась въ чорный крепъ. Вершины нѣкоторыхъ горъ еще бѣлѣются отъ исчезающихъ лучей его; рослые кедры и шпили, гордящіеся высотою башенъ, примѣчая принужденную улыбку проходящаго дня, мало помалу затмѣваются. Сколь быстръ переходъ свѣта ко мраку, отъ

добродѣтели къ пороку! Удовольствія наши исчезаютъ прежде, нежели мы ими успѣемъ насладиться. Посмотримъ на ослабѣвающій послѣдній лучь сей; съ древесныхъ листковъ едва едва переходитъ онъ на хребты горъ умирающими слѣдами. Каждую минуту свѣтъ его уменшается; не льзя уже различить красокъ его; когда я говорю онъ уже погасъ, весь міръ и глаза наши погрузилъ во мракѣ. Не такъ ли, не такъ ли приближается къ намъ послѣднее дыханіе, и заключаетъ насъ во мрачности гроба? . . .

Вечерній туманъ усугубляется, и все покрывается печальною одеждою. Каждая вещь, каждой предметъ блистали прежде яркимъ и разно-образнымъ цвѣтомъ, но блистали не долго; теперь покрылись всѣ одинаковою и безцвѣт-

ною мрачностію. Птицы нѣжною мелодіею своей одушевлявшія, такъ сказать, безчувственную природу, уже утихли, пріемля участіе во всеобщемъ угрюмомъ молчаніи. Въ поляхъ нашихъ все было живо и весело; трудолюбивый земледѣлецъ не зналъ отдыха, занимаясь дневными заботами; а теперь все мертво и пусто. Въ воздухѣ болѣе не раздается громкая трель свирѣли пастушеской, а одно эхо повторяетъ жалобный свистъ Филомелы, среди томнаго лѣса робко съ сучка на сучокъ перепорхивающей. Могу ли и я теперь быть забавенъ и веселъ? Земля и небо укорили бы меня въ безвремянной моей вѣтренности. Видъ мой долженъ быть столько же спокоенъ какъ окончаніе дня; мои мысли должны быть столько же тихи, какъ бытіе нощи. Дневные часы мои ды-

шали свободными забавами; а вечерЪ, мрачный вечерЪ есть время глубокихЪ размышленій, глубокихЪ и — вЪ разсужденій чего? Что важнѣе, величественнѣе и занимательнѣе *Вѣчности*! Она, она приближается кЪ намЪ стопами Исполина, послѣдній день не далече, кругЪ удовольствій чувственныхЪ долженЪ перемѣниться; скука, происходящая отЪ заботЪ, насЪ порабощаетЪ. Друзья мои! презримЪ всѣ тщетныя и скорогиблющія выгоды. Предадимся твердымЪ и убѣдительнымЪ сужденіямЪ о *послѣднихЪ*; сужденіямЪ, могущимЪ доставить сердцамЪ нашимЪ надежную отраду и спокойствіе.

Я болѣе ничего не вижу; солнце закатилось. Однако самЪ я не весь еще покрытЪ густымЪ и непроницаемымЪ мракомЪ. Откуда едва примѣтный свѣтЪ сей проис-

ходитъ? Великаго дневнаго свѣтила болѣе уже не видно; однако любезное влiянiе свѣта его ощутительно меня объемлетъ и увеселяетъ. Онъ напоминаетъ намъ о теченiи своимъ въ другомъ полукружiи, и — естьли отбрасываетъ слабѣйшiе къ намъ лучи свои; то отбрасываетъ для того, чтобъ мы не совсѣмъ были бездѣйственны и отчаянны дотолѣ, пока непреоборимый сонъ излiетъ въ чувства наши щастливое изнеможенiе, и пока прiятное забытiе мало помалу успокоитъ члены наши, остановитъ жизненныя дѣйствiя, и шумный свѣтъ сдѣлаетъ для насъ безполезнымъ. Въ капляхъ свѣта сего, дондеже не почiешь, веселися *добродѣтель*, сама возсiявающе.

IV.

Глубокое безмолвіе въ природѣ

Какое глубокое молчаніе царствуетъ въ природѣ! Вездѣ такъ тихо, что ухо мое слышитъ біеніе моего сердца. Малѣйшія мои движенія производятъ шумъ въ долинѣ. Нощь принесла во грады на крыліяхъ своихъ тишину и спокойствіе. Земледѣлецъ отдыхаетъ въ домѣ своей хижины; нѣжныя птицы не издаютъ болѣе гармоническихъ тоновъ. Воздухъ тихъ; вѣтви древесныя не колеблются; око дремлетъ; отверстое ухо внемля, слышитъ самые тонкіе звуки; его поражаетъ глухое журчаніе слабаго источника, текущаго въ отдаленности луга.

Естьли бы среди сей глубокой и повсемственной тишины вдругъ тысячи громовъ грянули надъ гла-

вою моею; какимъ ужасомъ былъ бы пораженъ я! Чувства мои смущаются, душа унываетъ; тогда блѣдное и трепещущее тѣло мое повергнулось бы на лицѣ земли; дрожащія мои руки воздѣлись бы къ небесамъ; перерывающійся голосъ мой произнесъ бы и — произноситъ: „Смертные! рано или поздно гораздо страшнѣйшій ударитъ „громъ; громъ, коего пораженіе „потрясетъ даже во глубинѣ гробовъ содрогнувшіяся ваши кости.„

По прошествіи нѣкоторыхъ столѣтій отверзутся сокрытые гробы; истлѣвшій прахъ, одушевившись, выдетъ на позорище свѣта; пронзительный гласъ Архангела и трубный звукъ Вѣчнаго поразивъ слухъ нечестиваго, изліютъ въ сердцѣ его отчаяніе; небесный сводъ потрясется, земля разверзется; ужасъ и содроганіе

проникнутъ въ самыя глубокія и мрачныя пропасти: тогда порочныя души какъ перенесутъ сіе страшное пораженіе? Душа моя! приклони внимательное ухо твое къ утѣшительному благовѣстію Евангелія; приклони, — и стонъ сей ужасной ночи покажется тебѣ мелодическимъ звукомъ; онъ для тебя будетъ несравненно пріятнѣе, нежели неожиданная вѣсть свободы, обьявленная множеству плѣнныхъ; твое блаженство начнется отъ сихъ словъ: *возстаните и изыдите спящіе, погребенные во прахѣ!!!*

Сей мрачный и безмолвный часъ остановилъ всѣ дѣйствія міролюбцевъ. Корысти, нужды, и удручающія заботы всѣхъ много занимали; дѣятельность и развлеченіе представлялись въ безчислен-

ныхъ видахъ; сей пространной городъ былъ наполненъ множествомъ народа, безпрестанно движущагося; поле покрыто было тысячію земледѣльцевъ; воздухъ колебался отъ летанія птицъ и жужжанія пчелъ; искуство проницательными глазами похищало у природы красоты ея, и тщаніе отягощалось новымъ бременемъ трудовъ. По захожденіи солнца весь жаръ, шумъ и мятежъ уничтожились. Животныя наслаждаются теперь спокойствіемъ въ своихъ убѣжищахъ; птицы спятъ на пуху мшистаго гнѣзда своего; наковолня не стонетъ болѣе подъ частыми ударами тяжелаго молота; купеческія лавки закрыты; пастухъ наслаждается пріятностьми сладкаго успокоенія, и вѣрный его песъ лежитъ на травѣ при ногахъ своего хозяина. Оцѣпенѣли всѣ члены утомленныхъ трудо-

любцевъ. Всѣ заботы окончились вмѣстѣ съ быстротою дня. Вся природа уснула: между тѣмъ чувство жизни живо еще во всѣхъ тѣлахъ, и душа, не усыпающая, бодрствуетъ и въ то время, когда чувства покоятся.

Какъ день, такъ и все для насъ окончится. Когда смертный вечеръ покроетъ насъ своимъ непроницаемымъ мракомъ; тогда поздно уже будетъ размышлять намъ о важномъ дѣлѣ *спасенія*. Да творимъ добро, дондеже день есть; пріидетъ вѣчная нощь, и тогда ничто же можемъ дѣлати.

V.

Мракъ.

Чорная мантія ночи болѣе и болѣе темнѣетъ. Я удивляюсь тихо-

му нашествію безмолвія и угрюмости. Тѣни *мрака* нестремительно и вдругъ, а постепенно и мало помалу покрываютъ лице вселенныя. Въ началѣ они подобны тонкому крепу, а въ послѣдствіи больше темнѣютъ и сгущаются, Самой скорой переходъ дня къ ночи былъ бы поразителенъ и страшенъ. Онъ привелъ бы въ смятеніе путешественника среди пути его; онъ повредилъ бы чувственные органы глазъ; онъ остановилъ бы всѣ творенія въ нерѣшимости. Провидѣніе распорядило всемъ въ природѣ премудро, и нашествіе *мрака* распространяется на землѣ нечувствительно. Вечеръ, предшествующій темнотѣ нощной, какъ бы предваряетъ насъ о приближеніи ея, и предостерегаетъ насъ отъ того замѣшательства, которымъ поразило бы насъ внезапное нашествіе ея.

Теперь лютые обитатели лѣсовъ исходятъ изъ пещеръ своихъ; тысячи хищныхъ чудовищей разбѣгаются въ страшныхъ пустыняхъ. Смерть видна въ алчномъ зѣвѣ ихъ; жаждущіе крови львы и тигры бодрствуютъ на нощной стражѣ. Нещастной путешественникъ! какъ мнѣ жаль, естьли нощь застигнетъ тебя въ сихъ ужасныхъ звѣринцахъ! Не поблѣднѣешь ли ты, услышавъ страшныя разъяреннаго льва рыканія? Не омертвѣешь ли, когда онъ кинется на тебя, ища добычи своей? Благодѣющее Небо! низпосли беззащитному и отчаянному мужу помощь Твою; его ждетъ добродѣтельная и нѣжная супруга, окруженная великимъ семействомъ дѣтей малолѣтныхъ; дѣтей, имѣющихъ крайнюю нужду въ попечительномъ родителѣ; удали отъ бѣднаго смерть; а неща-

стныхъ опасность. Избавь!.... и се неожиданно спасается отчаянный.

На другомъ краю лѣса хищный волкъ идетъ теперь по слѣдамъ пастуховъ; вскорѣ, ворвавшись въ самой хлѣвъ, онъ безжалостно закалать будетъ кроткихъ и боязливыхъ овецъ. Хитрая лисица подкрадывается къ крестьянской хижинѣ; и дитя, роковой дитя, грѣвшійся подъ крыломъ сердобольной матери, играя при сіяніи лунномъ съ подобными, внезапно становится жертвою ея. О человѣкъ! не дѣлаешся ли и ты иногда во babbrакѣ нощномъ гораздо лютѣйшимъ, нежели алчные и дикіе звѣри? Великій Боже! дай почувствовать Вездѣприсутствіе Твое смертоубійцѣ, во babbrакѣ помышляющему о смерти брата своего! Да поразитъ душу его громъ, а очи молнія при поку-

шеніи его на непростительное злодѣяніе; да повергнетъ его страшная сила самого бездыханнымъ; лучше пусть онъ будетъ мертвъ, но неповиненъ. . . .

Но отъ ужасныхъ произшествій обратимся къ пріятнымъ. Мрачность покрыла всѣ прелестныя предметы. Нощь заставляетъ забыть блистательныя красоты весенния. Гдѣ теперь тѣ нѣжные цвѣтовъ оттѣнки, которые очарованіемъ были для очей моихъ? Роза не восхищаетъ меня нѣжною румяностію, лилѣя бѣлизною. Тщетно обращаю я взоръ свой въ луга и въ полѣ; все богатство ихъ кажется мертвымъ или уничтоженнымъ. Солнце! безъ тебя вселенная ничто бы иное была, какъ смѣшенный и разстроенный хаосъ. Ты ея благораспорядитель, ты ея оживленіе.

Равномѣрно *Іисусъ Христосъ* есть душа душъ нашихъ. Посредствомъ Его наслаждаюся я неизъяснимыми благими въ царствѣ Благодати. Безъ Его утѣшительныхъ заслугъ, безъ Его откровенія пресмыкался бы я по землѣ, яко слѣпое чудовище, котораго ни улыбка природы, ни ласки щастія никакъ не могли содѣлать чувствительнымъ. Жизнь моя въ семъ мірѣ была бы тогда подобна состоянію обвиненнаго на смерть злодѣя, и на мѣсто казни ведомаго чрезъ испещренные цвѣтами луга подъ жасминовыми вѣтвями. Но сладкая мысль примиренія моего съ *Богомъ* чрезъ *Іисуса Христа* производитъ въ душѣ моей то, что блистающее Солнце въ природѣ, свѣтъ, удовольствіе, радость, — блаженство.

VI.

Сонъ.

Человѣкъ, продолжая трудъ свой отъ утра до вечера, наконецъ истомляется, силы его истощаются, духъ слабѣетъ; какую онъ имѣетъ *нужду, такъ сказать,* въ бальзамѣ, укрѣпляющемъ и возобновляющемъ чувства его. Одного отдыха для него не довольно; грядетъ сладкій сонъ, грядетъ и приводитъ съ собою отрадное упоеніе для возобновленія души и тѣла. Во снѣ — труды *рукъ нашихъ* прерываются, утомленные члены цѣпенѣютъ; душа свергаетъ съ себя тяжесть заботъ и попеченій, вниманіе притупляется, всѣ способности охладѣюватъ: въ продолженій сего нужнаго и драгоцѣннаго бездѣйствія машина строенія человѣческаго паки заводится; пружи-

ны, служащія къ согласію душевныхъ и тѣлесныхъ дѣйствій, новую получаютъ упругость; мыслящая сила обновляется; крѣпость для утренниxъ подвиговъ одушевляется. Безъ сего спасительнаго успокоенія самое твердое сложеніе тѣла скоро бы ослабло.

Назадъ тому нѣсколько дней, видѣлъ я нещастнаго *Флоріана*; видъ его былъ необычаенъ, станъ сухощавъ, голова и руки дрожали, мысли были темны, разговоры пусты. Будучи пораженъ столь нечаянною перемѣною, спросилъ я тому причину, и — узналъ, что глаза его много ночей не смыкались. Сей молодой человѣкъ, прежде бывшій душею веселаго обращенія, любезнымъ другомъ забавныхъ сообществъ, теперь не иное что значитъ, какъ жалкое страшилище. Вотъ слѣдствія безсон-

ницы! но одинЪ ли такЪ нещастенЪ *ФлоріанЪ*.

Сколько дорогихЪ согражданЪ, сколько вѣрныхЪ друзей моихЪ, лежатЪ теперь, можетЪ быть, простерты на болѣзненномЪ одрѣ, и вмѣсто спокойныя нѣги, считаютЪ скучные часы ночи. Слуховой барабанчикЪ ихЪ поражается каждымЪ ударомЪ колокола; они измѣряютЪ минуты посредствомЪ слабыхЪ біеній изнемогающаго пульса. ЧѣмЪ бы не пожертвовали они для того, чтобЪ оживиться легкимЪ сномЪ вЪ страданіи своемЪ, и чтобЪ хотя на нѣсколько забыть болѣзни свои?

И такЪ сколь премудро Благодѣющая десница отдаляетЪ отЪ насЪ все то, что препятсвовать можетЪ драгоцѣнному вліянію сна! СЪ какими предосторожностями Божественная благость сообщаетЪ

намъ наслажденіе симъ животворнымъ благомъ! Прежде нежели заснемъ, видимъ мы завѣсу мраковъ, располагающихъ насъ къ нѣжной безчувственности. Нощь скрываетъ отъ насъ всѣ предметы, могущіе развлекать чувства наши; во всей природѣ царствуетъ глубокое молчаніе, и — въ домахъ нашихъ водворяется спокойствіе. Тако нѣжный отецъ отдаляетъ отъ любезныхъ чадъ своихъ шумъ и опасность, дабы они заснувши, нѣжились, укрѣплялись. Но коль многіе естественный цѣлебный сонъ промѣниваютъ на сонъ грѣховный, превращая нощи въ дни, и дни въ нощи!

VII.

Мечтанія.

Теперь разумъ оставилъ всѣ свои дѣйствія; воображеніе, освободившись отъ сего надзирателя, обуздывающаго стремленіе его, предается своей волѣ; душа увлекается въ лабиринтъ тщетности. Безобразныя изображенія окружаютъ насъ, и мы обманываемся или смѣшными страхами, или ложными удовольствіями. Нѣкоторые, прогуливаясь въ волшебныхъ долинахъ, видятъ себя увѣнчанными гирландами мнимаго щастія; между тѣмъ какъ тѣла ихъ простерты на соломѣ подъ кровлею шалаша, гдѣ вмѣсто гирландъ безпокойной паукъ развѣшиваетъ вездѣ свои длинныя сѣти. Другіе, будучи изгнаны изъ гордыхъ чертоговъ своихъ, влекутся въ ужасную темницу, или

будучи колеблемы волнами, кажется, погибаютъ въ ревущихъ пучинахъ. Страхъ ищетъ спасенія. Вдругъ они стремительно взлѣзаютъ на утѣсистую скалу; взлезаютъ съ подлиннымъ безпокойствомъ, избѣгая тщетныхъ опасностей; или оцѣпенѣвъ отъ отчаянія, лишаются послѣдния надежды. И такъ потонувши въ то время, когда нѣжатся на мягкомъ пухѣ, при неизбѣжной опасности не видя ни откуда помощи, ввергаются въ неизмѣримую пропасть. Таковы суть сбивчивыя дѣйствія души нашей, находящейся подъ властію благодѣтельнаго сна!

Но во снѣ ли только сіи игры воображенія обманываютъ человѣка? Не питаются ли люди днемъ мечтами, нощныхъ гораздо суетнѣйшими? Одни почитаютъ себя выше человѣчества, потому что

милость Государя отличила ихъ высокими почестьми, а шелковый червь отказалъ имъ блистательное украшеніе свое во одежду; другіе радуются, видя сундуки свои наполненными златомъ; они ласкаются пріобрѣсть въ томъ верьхъ своего благополучія, естьли къ сысканнымъ присовокупятъ новыя сокровища. Но какъ часто замыслы корыстолюбцевъ изображаютъ воздушные замки! Нѣкоторые, воздыхая о тщетныхъ хвалахъ, безсмертіе свое полагаютъ въ шумѣ минутной славы. Всѣ сіи мечтатели, умнѣе ли того бѣдняка, которой, заснувши подъ тѣнію плетня и будучи одѣтъ рубищемъ, грезитъ, будто онъ владѣетъ великолѣпными чертогами, украшенными всѣми пышностями роскоши?

Хотите ли вы узнать истинную картину жизни людей сихъ?

Воззрите на описаніе Пророческое: „Голодный человѣкъ грезитъ, и ду„маетъ, что онъ ѣстъ; но про„будившись, паки по прежнему ал„четъ. Томимому жаждою видится „во снѣ, будто онъ пьетъ, но „пробудившись онъ еще большую „чувствуетъ жажду. Таково состояніе искателей чрезмѣрныхъ почестей и удовольствій! Они живутъ въ надеждѣ и суетѣ, — умираютъ въ бѣдствіи. Просвѣти насъ, Небесная истина, въ сихъ ежедневныхъ заблужденіяхъ души нашей! Озари насъ точнымъ свѣденіемъ добродѣтели и правды; можетъ ли свѣтъ сей намъ приносить пользу и не умножать страданій нашихъ? Да отличаютъ очи наши справедливость отъ лжи, и да не прельщаются обманчивыми призраками, которые, не смотря на ихъ блескъ и пышность, гораздо ничтожнѣе нощ-

ныхъ тѣней, и гораздо суетнѣе забытаго сна.

Но да займемся еще таинствами нощныхъ видѣнiй. Человѣкъ самаго твердаго сложенiя, разпростершись на ложѣ, погруженъ въ глубокой сонъ; крѣпость его скована безчувственностiю, подобною уничтоженiю; силы его ослабли, подобно опущенной тетивѣ у лука; всѣ движенiя его остановлены. Когда онъ бодрствовалъ, всѣ признавали его нѣжнымъ, чувствительнымъ, имѣющимъ самой любезной характеръ; а теперь закрытые глаза его не видятъ лучей солнечныхъ, не различаютъ болѣе восхитительныхъ предметовъ; органы слуха отверсты, но онъ не можетъ ощущать чрезъ нихъ плѣнительныхъ звуковъ тихiя арфы; всѣ чувства и ихъ нѣжныя жилочки притупившись, какъ бы

оцѣпенѣли. Когда онъ бодрствовалъ, вы называли его существомъ дружелюбнымъ: но гдѣ теперь тѣ драгія его свойства? Онъ самъ не узнаетъ въ себѣ сердобольнаго отца, ни ближніе въ немъ вѣрнаго друга. Добродѣтельная и прекрасная супруга покоится возлѣ его, и — ея чувствительность ни чѣмъ не трогается. Дѣти мучатся жестокими болѣзнями, плачутъ, кричатъ неумолчно, и сердце ея будто мертво. Посмотрите на человѣка, имѣющаго великія дарованія; онъ проникъ въ самыя высокія знанія, научился извлекать истину изъ самаго густаго хаоса заблужденій, очищенный умъ его минутно можетъ представить намъ прекрасныя сочиненія, чувствительныя и трогательныя внушенія:.. . Теперь, какъ онъ уснулъ, мыслящая сила его сокрылась гдѣ? —

неизвѣстно; воображеніе его переходитъ изъ заблужденія въ заблужденіе; вмѣсто простыхъ умствованій и вѣрныхъ послѣдствій, онъ ничего не имѣетъ, кромѣ смѣшенія нелѣпыхъ идей; вмѣсто твердыхъ и истинныхъ началъ въ мозгу его одна пустота; самыя грубыя мечтанія отягчаютъ духъ его; цѣлая ночь кажется ему одною минутою; онъ не чувствуетъ движеній времяни, ниже продолженія своей жизни.

Но лишь только утро розовыми перстами своими разверзетъ мрачную завѣсу, какъ скоро свѣтъ проникнетъ въ кабинетъ его; онъ пробудившись, начинаетъ опять благоупотреблять бывшіе въ недѣйствіи таланты свои; нервы его напрягшись опять, кажутся способными къ великимъ занятіямъ; чувства получаютъ первую свою си-

лу; жизненный огнь снова оживляетъ кровь его; романическія его приведенія исчезаютъ; разумъ начинаетъ блистать въ прежнемъ сіяніи своемъ. Но для чего сонное оцѣпенѣніе, объемлющее всѣ способности души и тѣла, не оставляетъ человѣка во всегдашнемъ бездѣйствіи? Мысли, однажды смѣсившіяся, какъ возвращаются въ лучшій прежняго порядокъ? Какою силою они въ минуту приводятся въ лучшее благоучрежденіе! Какимъ образомъ тѣло, освобождаяся тягости подобной смерти, тотчасъ получаетъ новую дѣятельность своихъ способностей, и вступаетъ въ согласное исполненіе должностей своихъ? Все сіе не понятно; но преизвѣстно. Также, какъ мы по *Воскресеніи* измѣнимся въ превосходнѣйшее бытіе и жизнь? Не постижимо, но достовѣрно.

VIII.

Духи.

Вотъ минута, въ которую, сказываютъ, духи дѣлаютъ свои явленія. Теперь робкое воображеніе страшится чудовищей, имъ вымышляемыхъ. Оно видитъ приведѣнія, тихо идущія во мракѣ, или представляетъ ихъ летающими скорѣе молніи и исчезающими въ мгновеніе ока. Теперь страшные крики исходятъ изъ глубины подземныхъ сводовъ, глубокія воздыханія слышатся въ гробницахъ, меланхолическія тѣни блуждаютъ между развалинъ древнихъ храмовъ, посѣщаютъ мрачныя жилища мертвыхъ, представляются въ различныхъ видахъ по галлереямъ пустыхъ замковъ, или останавливаются на нѣкоторыхъ развалѣнныхъ гробницахъ. Сколь тщетно избѣжаніе оныхъ!

Какой пространной кругЪ дѣлаетЪ дрожащій ученикЪ неопытности, дабы обойти страшное кладбище; и — естьли нужда заставляетЪ его перейти то мѣсто, гдѣ безЪ различія смѣшены многія титла достоинства, полы и возрасты, то тысяча страшныхЪ исторій приходятЪ ему на память; страхЪ придаетЪ крылья ногамЪ его, пробѣгаетЪ оное, земли не прикасаяся, не смѣетЪ оглянуться назадЪ; и — естьли никакіе страшные звуки не поразили слуха его; онЪ, отдыхая вдали благословляетЪ щасливую участь свою.

Я не могу видѣть безЪ удивленія того чрезвычайнаго ужаса, которой возмущаетЪ душу непросвѣщеннаго народа, изЪ ничего выводящаго неимовѣрныя заключенія; но тѣ еще удивительнѣе, кои, боясь пустыхЪ призраковЪ вЪ уеди-

ненныхъ и мрачныхъ пещерахъ, не ужасаются въ прочемъ стези, прямо низводящей во одно адово. Есть ли бы блѣдная и сухая смерть, ужасный вѣстникъ *послѣднихъ*, разторгши завѣсу слѣпоты и разврата нашего, предстала намъ среди глубокой нощи, и сказала какъ Бруту: „ Я тамъ съ тобою встрѣчусь!!!„ Я думаю, что самыя ожесточенныя сердца содрогнулись бы при семъ, и ницъ повѣрглись. Но когда гремитъ Небесный гласъ, и трогательнымъ языкомъ вѣщаетъ намъ непрестанно: „При„готовься! Богъ грядетъ.„ Мы не внемлемъ сему важному Пророчеству. О-буйство!-Отъ пустыхъ химеръ, представляемыхъ ложнымъ воображенiемъ - мы предаемся страху, болѣзни, и отчаянiю, а при пораженiяхъ истинныхъ пребываемъ равнодушны и нечувствительны.

человѣкъ! взойди въ свое сердце, и будь внимателенъ трогательнымъ внушеніямъ небеснымъ! Естьли ты долженъ чего страшиться, то не мнимыхъ тѣней ночи, *но Вездѣ-Присудствія* Верховнаго существа.

Сія матерія приводитъ мнѣ на память произшествіе, описанное въ книгѣ *Іова*, которое можетъ служить доказательствомъ точныхъ привидѣній, но токмо въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ. Однако, не желая сею исторіею умножить пустыя басни, которыя *суевѣріе* съ убѣжденіемъ разсказываетъ, а *легкомысліе* слушаетъ и допускаетъ; я предполагаю, что естьли Обитатели невидимаго міра, когда являются смертнымъ: то не для устрашенія ихъ своими видами, а для помощи въ опасныхъ обстоятельствахъ, или для возбужденія благо-

честивыхъ чувствій въ душахъ ожесточенныхъ.

Нощь была глубокая, (описуется тамъ), (*) [вся природа покрыта мракомъ, всѣ твари погребены были въ глубокомъ снѣ; печальное и унылое безмолвіе царствовало во вселенной; одинъ бодрствующій *Елифазъ*, размышляя о величественныхъ и Святыхъ предметахъ, вдругъ видитъ ужасную *тѣнь*, духа изъ невидимаго царства въ странномъ видѣ ему представляющагося. Страхъ обьемлетъ всѣ чувства его, ноги содрогаются, всѣ члены цѣпенѣютъ, власы воздымаются; — *привидѣніе*, тихо приближающееся къ нему, останавливается, дабы духъ его пріуготовить ко вниманію; останавливается, и напослѣдокъ безсмерт-

(*) Іова глава IV. 13 — 21.

ным гласомъ впечатлѣваетъ на сердцѣ сію неизгладимую истину. „Слабый человѣкъ! бреніе! можетъ „ли оправдаться предъ Богомъ по- „рочный? — Самой добродѣтель- „ный смертный нечистъ во очахъ „Его. Естьли чистѣйшіе Ангели от- „стоятъ далече отъ неизмѣримыя „славы Его; то въ какой глубокой „пропасти увидитъ себя грѣшникъ, „вышедшій изъ праха, и жизнію „своею не иное что значущій, какъ „несовершенство и немощь?„

Все сіе для того говорено чтобъ предать намъ наставленіе благочестія и непорочности; а не для того *Видѣніе* было, чтобъ смертный оробѣлъ, и омертвѣлъ отъ безплотнаго страха. Не токмо Небесный Вѣстникъ, но самыя мрачныя тѣни князя тьмы воздушныя никогда не могутъ низходить на землю иначе, развѣ для

нашей пользы. И сіи ни мало намЪ вредить не могутЪ, когда мы сами не попустимЪ.

IX.

Нощная птица.

Я слышу, что унылыя и печальныя стенанія прерываютЪ молчаніе тихой нощи. Это нещастная *сова* соединяетЪ горесть свою сЪ гласомЪ отчаянія; она, летая вЪ густыхЪ лѣсахЪ, удаляется прочихЪ птицЪ сообщества. Цвѣтники и цвѣтущіе луга ни какихЪ для нее не имѣютЪ прелестей; необитаемыя развалины, покрытыя плющемЪ скалы, любезное ея жилище. Она, засыпая на краю пропасти, подвергается жестокому паденію, между тѣмЪ какЪ ядовитой змѣй

во глубинѣ тѣнистыхъ рвовъ наполняетъ воздухъ пронзительнымъ своимъ свистомъ. Пріятный утренній свѣтъ возбуждаетъ радость въ другихъ животныхъ, но онъ не доставляетъ никакого удовольствія унылой пустынницѣ сей. Улыбающаяся ясность дня ея смущаетъ, восхитительныя прелести природы повергаютъ ее въ безпокойство.

Таковы будутъ возмущенія *беззаконника* при созерцаніи чистыхъ и Святыхъ красотъ небесныхъ! Блескъ невечернія Божія славы, омрачивъ зрѣніе злобныхъ, мучительно сотворитъ ихъ нещастными. Грѣшникъ, изгнанный изъ сообщества Ангельскаго, такъ будетъ воздыхать о Божественномъ свѣтѣ, какъ воздыхаетъ сія нещастная птица, по изгнаніи изъ мрачнаго убѣжища своего, къ боль-

шему мученію своему будучи принуждена видѣть лучи солнца.

Народъ легкомысленной и суевѣрной! престань страшиться сей томной птицы, летающей предъ окномъ твоимъ, и не опасайся громкихъ карканій чернаго ворона; вѣрь предвѣщаніямъ справедливѣйшимъ. Настоящій ненастный вечеръ выразителено предвозвѣщаетъ тебѣ неминуемый конецъ твоей жизни. Сіи мраки, покрывающіе землю, изображаютъ погребательной трауръ, которымъ покроется нѣкогда гробъ твой. Сія нощь предсказываетъ тебѣ приближеніе той глубокой нощи, въ которую всѣ живущіе омертвѣютъ и почіютъ крѣпко. Сія мрачная комната, сіе ложе, на которомъ я хочу предаться сладкому сну и покою, суть вѣрные памятники вѣчнаго моего молчанія и забвенія. Нещастенъ я, когда

пустымъ признакамъ болѣе вѣрю, нежели симъ достовѣрнымъ убѣжденіямъ !

X.

Соловей.

Какая это птичка, коей пѣсни столь восхитительны и нѣжны? Сколь свистъ ея несходенъ съ дикими и оскорбительными звуками печальной Филомелы, непрестанно меня въ жалость приводящей! нѣжной *соловей!* я узнаю твой голосъ. Какое протяженіе духа, какая сила въ горлышкѣ столь малинькаго творенія !

Будучи Геніемъ гармоніи, онъ аріи свои поетъ на всѣхъ голосахъ, онъ растворяетъ ротикъ свой и — оттуда выкатываются плѣняющіе слухъ звуки. Не давно пѣснь его была томная, меланхолическая

и нѣжныя трели его, остановливая мимоходящихъ путешественниковъ, въ чувствительную душу ихъ вливали сладкое удовольствіе. Вся молчаливая природа была внимательна, и чрезъ всю ночь слухъ свой приклоняла къ мелодическимъ его кадансамъ.

Сіи восхитительныя и чистыя удовольствія не извѣстны печальному обитателю градовъ. Сей скромной и сладкой пѣснопѣвецъ собесѣдуетъ только съ любителями уединенія. Придавшіеся распутству и піянству лишены соучастія въ его пріятностяхъ. Тако увеселенія *Религіи*, — сія чистая и Святая радость, способствующая намъ вкушать душевный миръ съ Богомъ; — сіи сладкія восхищенія, происходящія изъ постиженія *безсмертія*, не довѣдомы тѣмъ людямъ, которые, предавщись чувственнымъ,

зазорнымъ прихотямъ не умѣютъ войти въ собственное сердце.

XI.

Свѣтящїйся червь.

Нѣкоторые насѣкомые, пресмыкающїеся по полевой травѣ, блистаютъ нощїю, не смотря на отсутствїе солнца. Но всѣ сїи слабыя искры, вмѣстѣ совокупленныя, не замѣняютъ потери дня, и не могутъ озарить стезей заблуждающаго путешественника. Такимъ образомъ, когда человѣкъ погашаетъ свѣтильникъ *Откровенїя*, сколько бы ни блисталъ слабыми дарованїями своего разума, никогда не можетъ найти прямаго пути, пути, надежно ведущаго къ будущей блаженной жизни. Онъ ввергается изъ заблужденїй въ заблужденїя, и обманываясь ложнымъ бле-

скомъ скоро исчезающихъ искръ своихъ, впадаетъ наконецъ въ пропасть погибели. Сколь много такихъ нещастныхъ жертвъ и какъ жалки!

XII.

Комета.

Нѣсколько дней тому назадъ, я примѣтилъ въ небесахъ удивительное явленіе. Рѣдкое нѣкоторое свѣтило, какъ бы пламенемъ покрывшее половину тверди, было для многихъ предметомъ страха и боязни. Они взирали на него не иначе, какъ Валтазаръ смотрѣлъ на руку, начертывающую рѣшительную судьбу жизни на стенѣ чертога его. Одинъ изъ изъявленія *кометы* предсказывалъ паденіе царствъ, смерть Царей и бѣдствіе народовъ; другой предусмат-

ривалъ изъ оныя угрожающую войну, жестокое междуусобіе, и прочія опасности, близкія къ потрясенію цѣлаго міра.

Тако *суевѣріе* и *фанатизмъ* выводятъ неимовѣрныя слѣдствія изъ обыкновенныхъ перемѣнъ природы! Буду ли я подобно утверждать какія нибудь предсказанія на блистающемъ воздушномъ явленіи огненной планеты? Нѣтъ! для меня довольно покланяться Горнему Существу, весь свѣтъ бросившему десницею своей въ неизмѣримую бездну, и повелѣвшему ему то смѣшиваться съ жаркими лучами солнца, то выходить изъ границъ воздушной сферы, и представлять нѣкоторое непонятное произшествіе для очей и ума нашего.

Часто нощію подобныя явленія, явленія достойныя особеннаго

замѣчанія естества испытателей, мудрыхъ Философовъ увеселяютъ, а простой народъ приводятъ въ содроганіе и ужасъ. Летающія *метеоры*, воспламеняясь, отражаютъ свѣтъ свой со стороны Норда. Сіи блестящіе огни смѣшиваясь, такъ сказать, вмѣстѣ сталкиваются; воздухъ кажется отъ нихъ воспламененнымъ. Иногда они раздѣляются, и будучи подобны стремительнымъ стрѣламъ, проводятъ разноцвѣтныя бразды въ тверди небесной. Непросвѣщенный поселянинъ сіе зрѣлище разсматриваетъ съ изумленіемъ, и послѣ ужасается. Внезапной и пустой страхъ смущаетъ легкомысленныхъ души; сердца ихъ трепещутъ, блѣдность покрываетъ лице ихъ, ужасъ отъ разговоровъ и примѣчаній увеличивающейся толпы народной болѣе умножается; каждой говоритъ дро-

жащимЪ и прерывающимся голосомЪ свои нелѢпыя заключенія. Одни видятЪ уже точныя тѢни, спирающіяся и ударяющіяся воинства; поля, покрытыя мертвыми тѢлами, кровавыя источники; другіе, гораздо далѢе проникая, утверждаютЪ, что наступаетЪ уже послѢдній день; что вскорѢ ударитЪ конечный часЪ міра, и свѢтЪ уничтожится. Отчаяніе воздѢваетЪ кЪ НебесамЪ трепещущія свои руки, испускаетЪ тяжкія воздыханія; и — когда естественный свѢтЪ, играющій надЪ главами нашими производитЪ столь великія вЪ насЪ перемѢны; то каково будетЪ пораженіе наше, когда увидимЪ весь міръ вещественно возгорѢвшимся; всѢ небесныя свѢтила пришедшими во смятеніе, всю вселенную истаевающую и вскорѢ имѢющую обратиться вЪ прежнее свое ничтоже-

ство? Предваримъ неизбѣжную опасность очищеніемъ нравовъ; тогда во страхѣ мы не узримъ страха.

XIII.

Восхожденіе луны.

Показывается луна; какъ скоро восходитъ она на сводъ небесный! Посмотрите, какъ она свѣтитъ изъ за-облака. Сколь величественъ и вмѣстѣ печаленъ видъ ея! При ежеминутномъ возвышеніи ея на горизонтъ свѣтъ ея увеличивается. Уже блѣдность ея, разлившись по землѣ, привлекаетъ къ себѣ взоры наши, и разливаетъ роскошныя испаренія по поверхности покоящагося міра. Свѣтъ ея пріятенъ и нѣженъ. О царица мраковъ! ты составляешь украшеніе

небесъ и славу звѣздъ. О когда бы душа моя и мои мисли могли быть столь же чисты, какъ ты!

День представлялъ намъ тысячу различныхъ предметовъ, но теперь мракъ покрылъ ихъ непроницаемою завѣсою. Тщетно блистающія звѣзды умножаются на тверди: они умягчаютъ только угрюмые взоры ночи, а густой мрачности ихъ совсѣмъ не уничтожаютъ. Слабый лучь ихъ едва только отражается отъ поверхности предметовъ, и очень тускло доходитъ къ глазу, разсматривающему ихъ. Но луна, совокупляя въ себѣ большіе лучи, убѣляетъ свѣтомъ своимъ крепъ, простертый на челѣ природы. При помощи свѣта ея мы можемъ разсматривать величественныя картины вселенныя, разсматривать не въ настоящемъ ихъ цвѣтѣ, но въ тонкихъ

оттѣнкахъ, умягченныхъ нѣжнымъ свѣтомъ.

Какое привлекательное и важное зрѣлище! Луна виситъ на небесномъ сводѣ наподобіе великой кристальной лампады. Яркіе, чистые алмазы украшаютъ великолѣпный балдахинъ вселенныя; нѣжный свѣтъ тихо изливается на землю. Сперва онъ низпадаетъ навершины горъ, оттуда скатываясь, разстилается по ровнинамъ. Тысячи лучей небесныхъ свѣтилъ морскія волны представляютъ въ сребряномъ видѣ. Мрачная зелень, покрывающая лѣса, свѣтлѣетъ. Нѣжно колеблемые прохладнымъ и тихимъ вѣтромъ листы, въ минуту принимаютъ тысячу различныхъ цвѣтовъ. Необозримая картина представляется взорамъ нашимъ. Великолѣпіе природы поражаетъ чувствительную душу. Пространный

куполъ храма Ренелагова, и блистательные огни сада Факзаллова возбудили нѣкогда всеобщее удивленіе: но сколь слабы опыты человѣческаго искуства предъ великими дѣлами Всемогущаго!

Луна въ сей прелестной и величественной красотѣ не для того единственно восходитъ, чтобъ увѣселять взоры наши, — она равномѣрно для необходимыхъ нуждъ нашихъ свѣтитъ. Сколь бы несносенъ и скученъ былъ մракъ, естьли бы онъ продолжался долгое время, а наипаче во время долгихъ ночей свирѣпой зимы? Но се луна восходитъ разогнать ихъ угрюмую мрачность; она сребреными своими лучами при всей чернотѣ ночныхъ облаковъ утѣшаетъ насъ тусклымъ своимъ свѣтомъ, Какія прелести изливала она на наши спокойные вечера во время

лѣта! Она показываетъ намъ путь въ густыхъ дубровахъ; она вызываетъ насъ въ бальзамическія рощицы; она освѣщая щастливаго пустуха, со стадомъ его препровождаетъ на тучныя пажити. Сколь пріятно мореходцу свѣтило сіе! При сіяніи благотворныхъ лучей его быстрое судно безбѣдно разсѣкаетъ морскія пучины. Творецъ для нашихъ нуждъ и удовольствій устроилъ сію величественную планету, которою непросвѣщенный восхищается, а мудрый дивится и благоговѣетъ.

Луна безпрестанно премѣняется въ видѣ своемъ. Теперь свѣтъ ея лучезаренъ, мало спустя поблѣднѣетъ, а наконецъ и красота ея исчезнетъ. Она путешествуетъ въ небесахъ недовѣдомыми путями. Иногда восходитъ при концѣ дня, и начинаетъ теченіе свое

будучи благословляемо изумленіемъ народнымъ; а иногда отлагаетъ восходъ свой на небо до полунощи, и озаряетъ покоющійся міръ ни кѣмъ не примѣчаемою.

Какъ перемѣнчиво свѣтило сіе; такъ все освѣщаемое имъ здѣсь. — Долу ничто иное есть, какъ непостоянство. Смертные, каждой день подпадающіе тысячѣ перемѣнамъ, и усматривающіе всѣ предметы окрестъ себя перемѣняющимися! какимъ образомъ вы можете надѣяться на непостоянство сокровищь и забавъ міра сего? Видали ли вы птицъ, летающихъ по лугамъ, омывающихъ красоту перьевъ своихъ въ струяхъ источника, наконецъ прелетающихъ на уединенныя древа, растущія по брегамъ ручья сего? Удовольствіе летало вмѣстѣ съ ними на крыліяхъ ихъ; нѣжная мелодія изливалась изъ горлышекъ

ихъ. Вы съ восхищеніемъ смотрѣли на сію любезную картину; но столько ли она продолжалась, сколько вы желали? Птички улетѣли; вы потеряли ихъ изъ виду, небо помрачилось, источникъ помутился, одна минута разрушила ваши удовольствія; разрушила, — и такъ не основывайте никогда блаженства своего на предметахъ тлѣнныхъ и скоро преходящихъ.

Иногда я видалъ блистающій шаръ сей лишеннымъ лучей своихъ. Земля, между — полагая темное тѣло свое, пресѣкала свѣтъ солнечный, и луну покрывала непроницаемымъ мракомъ. — Я видѣлъ свѣтъ ея постепенно утончающимся до такой степени, что она какъ бы уничтожаясь, при всей своей блѣдности и уныніи, казалась издыхающею во мракѣ. Сей видъ затмѣнія бываетъ предметомъ все-

общихъ наблюденій и всѣхъ разговоровъ. Знатные люди подлежатъ равной участи. Цари, вознесенные надъ своими подданными, вельможи окруженные своими рабами, всякой властеначальникъ въ нѣдрѣ владѣнія своего заслуживаетъ всеобщее вниманіе. Поведеніе ихъ не можетъ быть скрыто; каждой ихъ поступокъ тщательно назираютъ и строго судятъ. Люди частные и низкіе впадаютъ непрестанно въ проступки, но ихъ почти никогда не примѣчаютъ. Звѣзда на нѣсколько мѣсяцовъ скрывается, и — едва одинъ изъ десяти тысячь примѣтитъ потерю сію; но когда луна подвержена бываетъ затмѣнію, половина міра свидѣтелемъ бываетъ перемѣны сей, — ея безславія.

Сколь я щастливъ и доволенъ, когда на холмахъ, къ западу лежа-

щихъ, занимаюсь уединенным ъ нощнымъ размышленіемъ! Здѣсь прозрачное и гладкое море омываетъ водами своими подошвы высокихъ горъ; тамъ, — далеко разливаясь въ пространной долинѣ, служитъ зеркаломъ звѣздамъ; лазурное небо видитъ въ немъ красоты свои; тихо восходящая луна по видимому съ удовольствіемъ смотрится въ прозрачной поверхности стихіи сей. Таково есть дѣйствіе благотвореній людей великихъ! Званіе ихъ тѣмъ почтеннѣе, чѣмъ пріятнѣе и обширнѣе вліянія ихъ на другихъ. Одушевленные благороднымъ честолюбіемъ дѣлать щастливыми другихъ подобны сему свѣтилу, которое изображается въ водахъ сего источника, и коего свѣтъ отражается на предметахъ, окружающихъ его. О когда бы всѣ таковы были!

XIV.

Заключеніе.

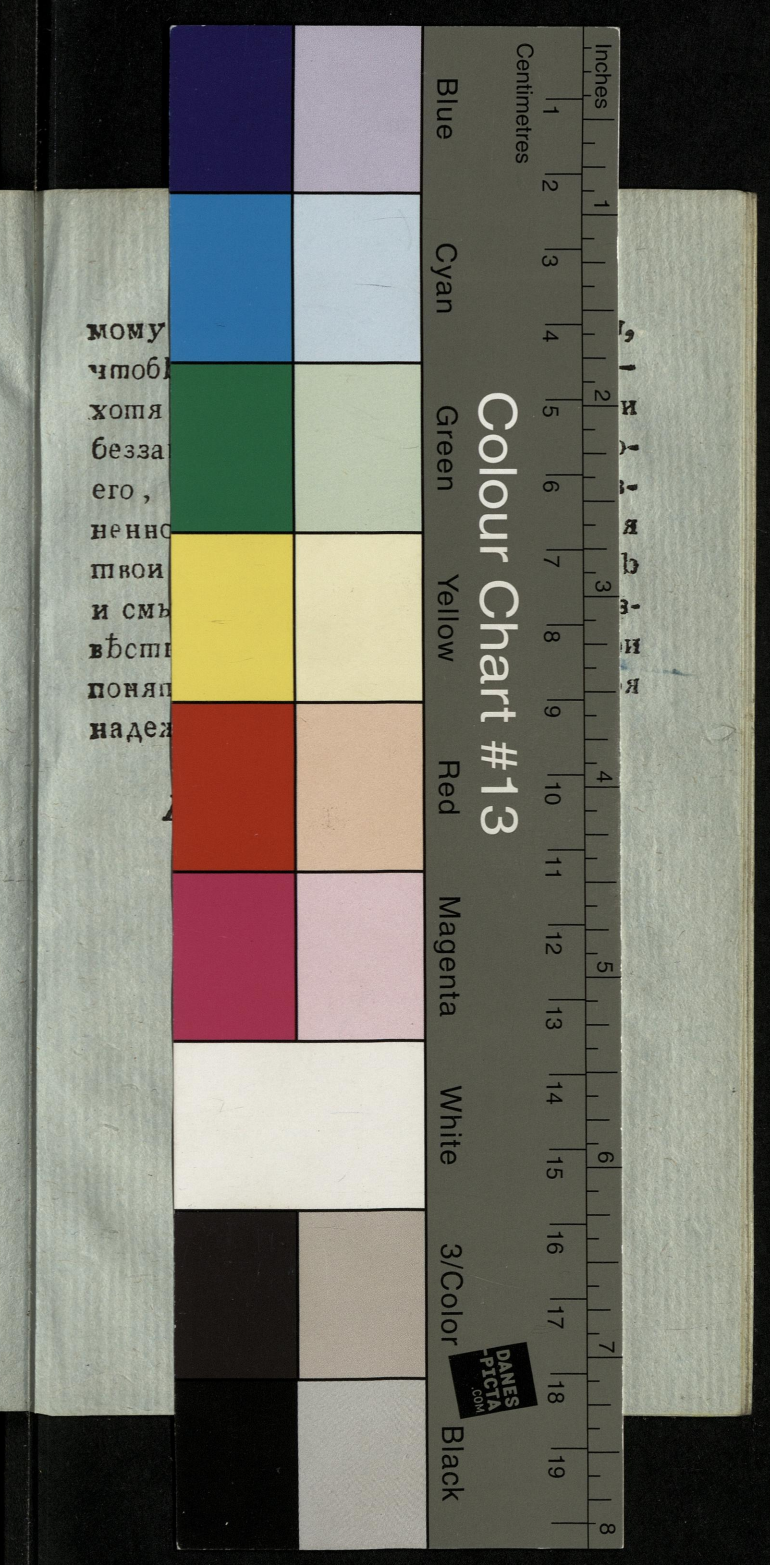
Полно упражняться въ умственныхъ занятіяхъ; усталость начинаетъ владычествовать надъ моими чувствами. Покоримся Природѣ; пусть сонъ оживитъ истощенныя наши силы. Но какъ! . . . пойду я на ложе покоя, не повергнувшись въ знакъ благодарности предъ Верховнымъ Существомъ, сохраняющимъ бытіе мое и позволяющимъ наслаждаться столь пріятными чувствованіями? Помолимся Превѣчному съ простосердечіемъ земледѣльца и истомленнаго ремесленника. Не естественно ли, что человѣкъ, пребывающій въ благосостояніи и довольствѣ удивляется милостямъ Вышняго и въ знакъ благодарности духовно лобызаетъ Десницу, создавшую его,

питающую и даровавшую чувство неописанныхъ удовольствій? Что благороднѣе для разумной твари какъ изливать непрестанно сердце свое предъ Создавшимъ его? Какое выше сего понятіе набожности, какъ не знать мѣры величію и достойнству Божію? Вы, — домогающіеся свободно мыслить! гдѣ найдете истину, презирая духовное сообщеніе съ Существомъ Высочайшимъ?

О Ты! напутствующій стопы мои къ миру и осеняющій Благодатію своею дни мои! къ Тебѣ, — подъ Твои священныя крылѣ я выну прибѣгалъ, и тѣперь прибѣгаю; Ты сохранилъ меня во свѣтѣ, будь защитникомъ моимъ и во мрачной нощи. Естьли душа моя обезображена какимъ либо срамнымъ пятномъ, очисти ее въ сіи минуты, когда сердце мое по види-

мому разлучается съ нею; очисти, чтобъ я могъ опочить спокойно — хотя и навѣки. Отдали порокъ и беззаконіе отъ мирнаго ложа моего, — чтобъ я съ онаго безбоязненно преселиться могъ во объятія твои Отче! Очи мои тяготѣютъ и смыкаются; я предаюсь въ неизвѣстность; сонъ смѣшиваетъ мои понятія и чувствованія. Богъ моя надежда.

Конецъ третьей Части.

мому
чтобы
хотя
безза
его,
ненно
твои
и смы
вѣсти
понят
надеж